

Наталья ЛУКЬЯНОВА

СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСА ВЛАСТИ

В статье рассмотрены семиотические механизмы конструирования дискурса власти, описаны этапы создания значений: от ощущения знака и его потенциальной возможности участвовать в конструировании к целенаправленно формируемому результату, определяющему дискурсивные позиции власти в социальной реальности.

The semiotic mechanisms of constructing discourse of power are considered in the article; the stages of creation of significances are described: from feeling of a sign and its potential possibility to participate in constructing to the purposefully formed result that determines discursive positions of power in social reality.

Ключевые слова:

знак, интерпретанта, дискурс власти, политическая среда; sign, interpretant, discourse of power, political environment.

Необходимость семиотического осмысления дискурса власти обусловлена тем, что в современных обществах констатируется изменение «привычных» сред, в которых осуществляется дискурс власти. На наших глазах происходят изменения, обусловленные в т.ч. возрастанием роли знаковых структур в средовых взаимодействиях. Спецификой социокультурной ситуации становится присвоение новым коммуникационным технологиям семиотической функции конструирования реальности. Речь идет о том, что мобильная связь, Интернет, телевидение и пр. назначаются «ответственными» за создание множества новых семиотических образований, существующих в виде знаков и знаковых систем. Именно в таком поле конструируются многообразные дискурсы власти, структурирующие социум. Как отмечает А.А. Тихонов, «дискурс власти как особая семиотическая система тесно связан с демонстрацией реалий и символов, выражающих социальный статус и полномочия субъекта или агента власти»¹.

Вышесказанным определяется актуальность настоящего исследования, поскольку семиотические процессы являются важнейшей частью нашей реальности. Неоспоримым эмпирическим фактом следует признать утверждение, что знаки – это первое, что мы создаем, и из них формируются знаковые системы. На протяжении всей истории человечества оформляется особая семиотическая реальность. Последняя понимается нами как реальность, существующая в виде знаков и знаковых систем, при этом семиотическая реальность от начала и до конца является плодом ума и рук человека. Человек может воспринимать знаки как знаки, но факт их объективного существования от этого не меняется. Семиотическая реальность объективируется в виде закрепленных общественной традицией знаков. Она существует вне нашего сознания и развивается по своим собственным законам. Более того, значимость знаковых систем в процессах, связанных с легитимацией власти, приобретает особое значение, поскольку знаки непосредственно участвуют в конструировании дискурса власти (флаги, гербы, особые формы коммуникации и пр.). Знаки сопровождают программы партий, социально-экономические реформы, процессы администрирования и многие другие формы деятельности субъектов.

В статье планируется раскрыть семиотические механизмы, в значительной степени определяющие легитимность и действенность властных институтов. Центральным понятием статьи является дис-

ЛУКЬЯНОВА

Наталья

Александровна –
д. филос. н., доцент;
заведующий
кафедрой
социологии,
психологии и
права Томского
политехнического
университета
lukianova@tpu.ru

¹ Тихонов А.А. Дискурс власти и власть дискурса в информационном обществе // Власть, 2013, № 7, с. 55.

курс как способ означивания феноменов реальности (процесс означивания — соотношение объекта и некоторого ментального представления. — *Н.Л.*). Данное понятие является фундаментальным понятием семиотики. Но к какому знаку мы должны обращаться? Ответ на этот вопрос лежит в области методологических оснований исследования знака.

Различие в понимании знака у Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра является темой многих исследований. Отметим лишь, что обе традиции сосуществуют без явных концептуальных пересечений между собой. Они действительно имеют принципиальные отличия в понимании природы знака, воплощенные в «диадической» модели знака (Ф. де Соссюра) и в «триадической» модели знака (Ч. Пирс).

Однако только исследования Пирса о триадической сущности знака позволяют увидеть знак в его бесконечной вариативности¹. Отметим, что суть его концепции в том, что он рассматривает отношения между любыми предметами как знаковые. Пирс подчеркивает, что любое мышление имеет знаковый характер; фактически для Пирса человек есть существо, производящее знаки посредством семиозиса. Приписывание в дискурсах значения чему-либо создает и изменяет мир. Это и есть процесс означивания. Результатом данного процесса становится интерпретанта, которая является не только значением какого-либо термина, а некоторым результатом мыслительных процессов по поводу знака. *Интерпретанта* (интерпретант) представляет собой результат действия знака, «нечто, что производится в сознании интерпретатора», т.е. в классическом понимании интерпретанту можно заменить понятием «значение». Один знак означивается с помощью другого знака, тем самым создается интерпретанта, которая, в свою очередь, будет знаком для следующего знака и т.д. Интерпретанта выступает как своеобразная семиотическая метаядиница, метаконструкция и подразделяется на несколько видов: непосредственную, динамическую и финальную интерпретанты.

Непосредственная интерпретанта — это интерпретанта, какой она «обнаруживается в самом знаке»². Это вид перевода знаков в некоторую устойчивую переводимость; она означает возможность, но далекая абстрактную. Непосредственная интерпретанта выступает как знак, который формируется как некоторый смысл (*sense*) и является чистой возможностью вхождения или не вхождения в коммуникативное пространство информационно-смыслового взаимодействия.

Динамическая интерпретанта — это «фактическое действие знака», т.е. действие, которое происходит в самом акте интерпретации³, как любое следствие, действительно производимое знаком как таковым. Динамическая интерпретанта формируется как значение (*meaning*) — прямое действие, которое знак оказывает на интерпретатора, и обратный процесс, в котором интерпретатор формирует знак.

Финальная интерпретанта формируется как значимость (*significance*), понимаемая как результат воздействия, на которое знак вообще способен. Это уже «целенаправленно [*deliberately*] формируемый результат»⁴.

Выводы Пирса позволяют увидеть процессуальную природу знака в его переходе от интерпретанты к интерпретанте, в итоге мысль, опосредованная знаком, проходит путь от некоторого «ощущения» знака к конкретным действиям относительно него. Посредством интерпретации человек может делать последовательные выводы, способные сделать его идеи ясными, формирующими его идентичность. Последовательность этапов есть работающий семиотический механизм конструирования дискурса власти.

Приведем следующий пример, демонстрирующий работу такого механизма.

Известно, что российский политический дискурс весьма увлечен политической телесностью. Знаковые фигуры являются непременным атрибутом российской политики. Как писал М. Фуко, политическое тело — это «совокупность материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками

¹ Лукьянова Н.А. Значение идей Ч.С. Пирса для философии коммуникации // Известия Томского политехнического университета. Экономика. Философия, социология и культурология, 2011, т. 319, № 6, с. 82–88.

² Нет В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика, 2001, вып. 3–4, с. 15.

³ Там же.

⁴ Там же.

опоры для отношения власти и знания»¹. В статье Г. Орловой «Политическое тело президента»² проведен подробный анализ восхождения на политический олимп В.В. Путина с позиции формирования знаков телесности.

Первый этап – это качество знака как возможность его существования в коммуникациях. Формируется непосредственная интерпретанта, определяются условия вхождения знака в коммуникативное пространство. На этом этапе аккумулируется семиотический потенциал политической персоны: «“Путин как политическое ничто” интерпретировался как “творческая пустота”, источник и средоточие амбивалентных смыслов. Протеичная идентичность человека постмодерна зияла в постоянных переодеваниях и.о. Кимоно, “аляска”, горнолыжный костюм играли лицо Путина, с парадоксальностью, присущей практикам одевания, подчеркивая: “А король-то пуст”»³. Однако именно эта политическая пустота позволяла конструировать бесконечное множество смыслов, присваивать различные способы политического поведения. Данный этап есть некоторое схватывание системного, социально нормированного содержания интерпретируемого знака. Непосредственная интерпретанта указывает на определенное свойство знака, согласно которому интерпретируемость существует еще до того, как знак достиг интерпретатора.

На втором этапе формируется динамическая интерпретанта. У человека появляется возможность максимально раскрыть содержание непосредственной интерпретанты в ее множественности и индивидуальности, поскольку он может обратиться ко всему богатству индивидуальной и коллективной памяти. Определяются индивидуальные признаки нового президента: «Прежде всего, были актуализированы и перенесены в политическую сферу аксиологически окрашенные физические конструкты (“молодой”, “здоровый”, “спортивный”). ...Если царь Борис с трудом держался на ногах, то князь Владимир

пышет здоровьем и полон физических сил»⁴. На этом этапе динамическая интерпретанта входит в индивидуальное сознание. Это уже не «облако» смыслов, а некоторое значение, которое человек готов использовать в своей деятельности. Иначе говоря, знак субъективируется в процессе интерпретации, что делает его отличным от других знаков.

И наконец, финальные интерпретанты, рождаемые на третьем этапе – то окончательное мнение, которое формируется в конце как истинная интерпретация: «герой-змеборец» и «Спаситель Отечества», «Путин – наш президент». Тем самым характеристики политического тела Путина становятся основой для конструирования сценария властного поведения: «Новая “сильная рука” исправит ошибки прошлого и принесет обещанное процветание»⁵. Было еще множество фактов, свидетельствующих о создании нового образа, но этот небольшой пример наглядно демонстрирует, как на этапе формирования динамической интерпретанты происходит взаимодействие новых значений (В.В. Путин) с уже известными (спортсмен, молодой лидер), в итоге формируется новое политическое тело президента.

Новейшие коммуникационные технологии создают ситуации, в которых даже незначительные изменения в содержании и направленности передаваемого в СМИ сообщения могут иметь далеко идущие для всего общества последствия, в т.ч. в политическом плане. Спецификой формирования политической среды сегодня является глобальность сетевой виртуальной коммуникации. Новые образы теперь не передаются сверху вниз, а распространяются по сетевому принципу.

Тем самым в дискурсе власти благодаря сетевым технологиям постоянно актуализируются новые семиотические конструкты, открываются возможности для формирования интегративных представлений о факторах, определяющих легитимность власти. Семиотические конструкты приобретают иной статус, что обусловлено тотальной знаковостью всех социальных институтов и задает новую направленность исследованиям, связанным с семиотическими измерениями дискурсов власти.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. – М. : Ad Marginem, 1999; http://www.philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_oglavlenie.html (дата обращения 08.08.2010).

² Орлова Г. Политическое тело президента // Критика и семиотика, 2001, вып. 3–4, с. 69.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 70.

⁵ Там же, с. 69.